

С КАКИХ БОГАТЫХ МЕСТ НАС СОГНАЛИ!

А.П. Панова

Наша деревня – Дворец Кежемского района Красноярского края – стоит на реке Ангаре и подлежит затоплению, как и многие населённые пункты района строительства Богучанской ГЭС. Сейчас эти деревни почти опустели.

Дворец – деревня небольшая, было дворов шестьдесят, – всего одна прямая улица образцового порядка и чистоты. Дома были аккуратные, около каждого дома – зелёные насаждения, изгороди палисадников покрашены. Дорога была отведена за деревню, а деревня обведена изгородью – жерди, вставленные в столбы. Летом, когда цвёл незабудковый луг, с самолёта его принимали за воду,

а деревню заполнял тонкий, нежный аромат. Всё это было, а теперь пришло в запустение. Я была там нынешним летом: жилых домов осталось пять или шесть, всё поросло травой.

С каких богатых мест нас согнали! В Ангаре ловили осетра, иногда килограммов по восемьдесят, стерлядь, хариуса, тайменя, окуня, щуку, ленка. В лесах была хорошая охота на зверя, а ягоды всякой – полным-полно, из грибов мы брали только грузди и рыжики, а остальные считали погаными. Крестьяне здесь всегда занимались хлебопашеством, скотоводством, промыслом. Ещё до революции молодые мужчины ходили на год – два на заработки на золотые прииски, ходил и мой папа, тогда ещё холостой парень (у нас сохранились фотографии с приисков).

На противоположном от нас берегу Ангары когда-то стояла деревня Монастырь с большой кирпичной церковью. В настоящее время ни деревни, ни церкви нет. Я помню церковь уже закрытой, а мама рассказывала, что раньше, в престольный праздник, в Крещение, наезжало столько народу, что, бывало, лёд на Ангаре трещал, когда святили воду, и люди выходили на реку. С закрытием церкви жители постепенно покидали Монастырь. Многие переселились во Дворец: у нас и пашни, и луга, а вокруг Монастыря был только лес. Пустую церковь постепенно разобрали: люди брали кирпич на свои нужды. Кирпич был крепкий, аж звенел, светлый, размером крупнее современного.

Во время коллективизации организовали колхоз, назвали его «Власть Советов». На колхозных полях выращивали рожь, пшеницу. Были фермы крупного рогатого скота, свиней, до войны были ещё и птицеферма (куры), и овцеферма.

В коллективизацию у нас, как и везде, шло раскулачивание. Раскулачили и нашу семью: всё конфисковали, выселили из дома, но никуда не сослали. Нас пустила на квартиру жена старшего папиного брата. Брат папы умер, а самого папы, мне кажется, в это время с нами не было: его арестовывали, а потом отпустили, но я, по малости лет, не помню, когда точно это было и в связи с чем. Позже, помнится, мама говорила, что отца не было дома месяцев десять. Он, как вспоминал двоюродный брат, вернулся худой и обросший, пришёл пешком по Тайшетскому тракту – тракт проходил через Дворец на деревню Червянку Иркутской области. Наверное, папу отпустили как бывшего партизана.

Причину нашего раскулачивания и то, как его проводили, уточнить сейчас мне не у кого, так как все мои родные уже умерли. А семья наша на тот момент была такой:

мама – Евдокия Гавриловна Рожкова (1902-1982), мой старший брат Николай Петрович Рожков (1920-1963) и я, Анна Петровна Рожкова (1925 г.р.). Хозяйства у нас большого не было. Двоюродный брат помнит, как трясли конфискованные холщовые половики.

В 1938 году, весной, по нашей деревне прошли аресты. Арестовали и моего папу, Рожкова Петра Васильевича (1896-1938). Арестовали дома, поздно вечером или уже ночью. Кроме отца, арестовали Попова Ивана Константиновича. Возрастом он был немного старше папы, примерно с 1890 года, где работал – не знаю (его дочь, Карнаухова Мария Ивановна, живёт в Саяногорске). Панова Петра Трофимовича, кажется, ровесник папы (примерно 1894-1896 г.р.), был рабочим леспромхоза у нас на лесопункте от Кежемского леспромхоза. Верхотурова Никола Васильевича, он был постарше отца (его сын, Верхотуров Степан Никонович, живёт в Красноярске).

Всех арестованных я не помню, только помню, ещё жили в нашей деревне два политических ссыльных, интеллигенты, откуда-то с Запада, с больших городов. Фамилий их не знала, только имена. Иван Иванович, уже пожилой, брил голову, и Анисим Николаевич, был помоложе, ходил с нашими женщинами в лес по ягоды. Жили они за счёт того, что присылали родные (посылки, деньги), сами они не работали. Так вот, Ивана Ивановича и Анисима Николаевича тоже арестовали. Я это хорошо помню, потому что, когда они все сидели перед отправкой по этапу до Кежмы, а содержали их в одной из нижних комнат двухэтажного здания, бывшего тогда школой или клубом, и было их там много, то я, двенадцатилетняя девчонка, пролезла к отцу по какой-то щели у дымохода, и когда я появилась у них, Анисим Николаевич засмеялся: «Вот и Анютка к нам пришла!».

Вообще, они не унывали. Когда, я помню, плакала, отец говорил мне: «Ну, что ты плачешь, роднуля? Я ведь ни в чём не виноват: только до Кежмы, а там обратно вернусь». Но никто из них не вернулся. Ходили слухи, что их везли по Ангаре на илимках (большие крытые лодки, которые тянет катер), а потом, уже на Енисее, затопили.

Чтобы узнать, что же случилось с отцом, я обратилась в марте 1990 года с заявлением в прокуратуру и УКГБ Красноярского края. Мне ответили: «Ваш отец, Рожков Пётр Васильевич, 1896 года рождения (даты рождения не имеется), уроженец и житель д. Дворец Кежемского района Красноярского края, русский, гражданин СССР, беспартийный, грамотный, привлекался к уголовной ответственности дважды. Первый раз он арестован 23 апреля 1932 года. Обвинялся в том, что занимался антисоветской агитацией направленно и против коллективизации, высказывал угрозы отдельным колхозникам. Решением тройки полномочного представительства ОГПУ Восточно-Сибирского края от 16 февраля 1933 года Рожкову П.В. назначена мера наказания в виде десяти лет лишения свободы. По данной судимости Рожков П.В. реабилитирован прокуратурой Красноярского края 28 июля 1989 года, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов». Второй раз Рожков П.В. арестован 24 марта 1938 года Кежемским РО НКВД и привлечён к уголовной ответственности. Он обвинялся в том, что, являясь участником контрреволюционной повстанческой организации, принимал участие в нелегальных сборищах, на которых обсуждались вопросы о вооружённом восстании, среди населения распространял провокационные слухи о войне и свержении Советской власти, клевету на руководителей партии и Советского правительства. Решением тройки УНКВД Красноярского края от 14 апреля 1938 года Рожкову П.В. назначена исключительная мера наказания – расстрел. Постановление о расстреле приведено в исполнение 28 октября 1938 года в г. Енисейске Красноярского края. В связи с отсутствием документации установить место захоронения не представляется возможным. Постановлением Президиума Красноярского краевого суда от 21 июня 1958 года постановление тройки от 15 апреля 1938 года отменено, и делопроизводство прекращено за отсутствием в действиях Рожкова П.В. состава преступления.

Рожков П.В. – реабилитирован». «В связи с привлечением Рожкова П.В. к уголовной ответственности в 1933 и 1938 гг. имущество его не изымалось и не конфисковывалось».

Из этого письма мне было неясно, почему, получив по первой судимости десять лет лишения свободы, отец месяцев через десять вернулся домой. Чтобы это выяснить, я пошла в УВД. Там мне сказали, что в деле нет никаких других сведений, кроме тех, о которых мне было сообщено в письме. Я думаю, что папу освободили как участника партизанского движения во время колчаковщины: у нас сохранилась свидетельская справка об этом от 25 мая 1932 года, подписанная бывшими партизанами и заверенная печатью Дворцовского сельсовета. До этого времени мы ничего не знали о судьбе папы.

Когда началась война, где-то в течение года детей «врагов народа» (таким был и мой брат) и раскулаченных в действующую армию не брали, а с 1942 года стали брать всех, тогда призвали и моего брата.

Во время войны, в 1942 году, к нам во Дворец были высланы на поселение русские немцы. Они работали в колхозе, отличались трудолюбием. Их дети учились в нашей школе вместе со всеми. Вот кого из немцев помню: семья Бауэр (из них помню только Милю), семья Шмидт, Крин Александр (примерно 1920 г.р.); Андреас Андрей Иванович (примерно 1926 г.р.), его сестра Андреас Фрида Ивановна (примерно 1927 г.р.) и она же жена Андреаса Александра Петровича (примерно 1926 г.р.) – они однофамильцы с женой; сёстры Александра Петровича – Андреас Мария Петровна (примерно 1929 г.р.) и Андреас (в замужестве Павлова) Эмма Петровна (примерно 1927 г.р.). Из Андреасов Александр, Эмма и Фрида живут в Красноярске. Семьи братьев Флейшман – Мартына Христиановича и Роберта Христиановича – живут в Красноярске, купили кооперативные квартиры, выехали в связи с затоплением.

В 1948 году в посёлок Болтурино, основанный примерно в 1946 году на месте плотбища на берегу Ангары и приписанный к Дворецкому сельсовету, прибыли на поселение литовцы и грузины. Они сначала жили в бараках, потом построили дома. Болтурино стало крупным посёлком – здесь находилась контора Болтуринского лесопункта Проспихинского леспромхоза Кежемского района. С 1954 года я работала секретарём Дворецкого сельсовета, и поэтому многих помню.

Из литовцев помню: Науёкас Иван (примерно 1927 г.р.), Ланкутис Константин (примерно 1927 г.р.), Андреускайте Регина Антоновна (примерно 1940 г.р.), она ещё года два назад жила в Красноярске, работала в краевом аптекоуправлении, жила с отцом. Сестра её Дануте жила в Лесосибирске, была у них ещё сестра – Виктория, её судьбы не знаю. В Болтурино умерла от сахарной болезни молодая девушка Бабарскене (или Бабарските) Юра, красавица, смуглая, похоронили её на Болтуринском кладбище (в посёлке было одно кладбище, там хоронили всех умерших).

Из грузин, живших в Болтурино, помню: Напитворидзе Тит Калистратович (примерно 1915 г.р.), Шарапинидзе Измаил (примерно 1915 г.р.), Окрашидзе Тарас Георгиевич (примерно 1917 г.р.) – осуждён по 58-й статье, был членом партии, его реабилитировали и восстановили в партии (после смерти Сталина), у нас он избирался депутатом сельского совета. Тарас Георгиевич уехал в Тбилиси в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов. Переписывался с болтуринскими и однажды приезжал в гости, у него жена была русская – Анна Васильевна, женился он в Болтурино. Умер Тарас Георгиевич в семидесятые годы. Из Грузии ещё помню: Лордкипанидзе (женщина), Мамия, Гвилия (мужчины). Дети грузин учились тоже в русской школе и научились хорошо, чисто говорить по-русски.

После освобождения литовцы и грузины уезжали к себе на родину, а немцы разъехались кто куда, многие оставались до строительства ГЭС. Сейчас и посёлок Болтурино подлежит затоплению. Строят новый посёлок с таким же названием за шесть километров от Ангары, в тайге.

*Записала К.А. Дзюба,
Красноярское общество «Мемориал»,
апрель-сентябрь 1990*